

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙДЕМАНЪ Гр.

Цена на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода . . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.
 С. Лаврентьева. — II. Извлеченія изъ „Записокъ охот-
 ника“ И. С. Тургенева. — III. Акростихъ С. Лав-
 рентьева. — IV. Огородъ Т. Пассекъ. — V. Въ саду.
 (Стихотвореніе) Н. Е.

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

ИВАНЪ Сергѣевичъ Тургеневъ, знаменитѣйшій изъ со-
 временныхъ русскихъ писателей, родился 28 октября
 1818 года, въ городѣ Орлѣ.

Все свое дѣтство провелъ онъ въ имѣніи своихъ роди-
 телей, большомъ селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ, орловской гу-
 берніи, мценскаго уѣзда. Какъ во всѣхъ достаточныхъ до-
 махъ, по обычаю того времени, къ мальчику были пристав-

лены гувернеры и учителя изъ нѣмцевъ и французовъ, которые помогли ему въ совершенствѣ изучить эти языки, а въ послѣдствіи и англійскій, но не заглушили въ немъ любви къ нашему богатому родному языку, который позже, въ его сочиненіяхъ, проявился во всей его поэтической красотѣ и художественной простотѣ.

Жизнь въ деревнѣ тоже не даромъ прошла для будущаго замѣчательнаго лѣтописца русской природы и жизни. Съ юныхъ лѣтъ ясный взглядъ ребенка скользилъ не по угрюмымъ каменнымъ стѣнамъ душнаго города, не по вытянутымъ въ струнку улицамъ и городской суетнѣ, —этотъ взглядъ встрѣчалъ раздольныя черноземныя поля широкой Руси, покрытыя золотистыми волнами пшеницы, надъ которыми кружился и звенѣлъ хохлатый жаворонокъ. По отлогимъ холмамъ и темнымъ рощамъ и лѣсамъ, мелькавшимъ въ котловинахъ, скользилъ взглядъ ребенка и спускался на свѣтлую гладь пруда, что красиво обогнулъ крутой обрывъ, съ раскинутымъ на немъ большимъ, тѣнистымъ садомъ, окружавшимъ помѣщичій домъ.

Красиво перемѣшалась въ этомъ саду разнородная зелень старыхъ дубовъ, липъ, березъ, обрамлявшихъ стѣнами длинныя аллеи, съ ихъ прохладной, душистой тѣнью и звонкой трелью весенняго соловья; а дальше задумчиво раскинулась деревня, и мальчикъ смотритъ туда, и въ поэтической душѣ его, вмѣстѣ съ любовью къ русской природѣ, слагается и любовь къ простому русскому человѣку, сочувствіе къ его заботамъ и труду...

Мальчикъ растетъ. Блистательно подготовленный онъ, шеснадцати лѣтъ, поступаетъ въ московскій университетъ, гдѣ, однако, по домашнимъ обстоятельствамъ, остается только годъ и затѣмъ переходитъ въ с.-петербургскій университетъ и тутъ черезъ три года кончаетъ полный курсъ, съ званіемъ кандидата. Не довольствуясь этимъ, юноша ѣдетъ въ Берлинъ и слушаетъ въ продолженіи двухъ лѣтъ лекціи въ берлинскомъ университетѣ.

Въ первые литературная дѣятельность И. С. Тургенева проявилась въ стихахъ, которые онъ началъ печатать съ 1841 года въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ и на которые отзывались съ похвалою, какъ читатели, такъ и критика знаменитаго Бѣлинскаго. Самъ же онъ, не придавая значенія своимъ стихамъ, скоро перемѣнилъ ихъ на прозу, и первая написанная имъ повѣсть „Андрей Колосовъ“ появилась въ 1844 году. Затѣмъ непрерывно послѣдовали одна за другой повѣсти, все болѣе и болѣе обращающія вниманіе читателей на произведенія молодаго писателя, и скоро имя И. С. Тургенева сдѣлалось для всѣхъ дорогимъ, и появленіе каждаго новаго его сочиненія привѣтствовалось съ восторгомъ и читалось на расхватъ.

И не мудрено. Всѣ его произведенія, какъ небольшія повѣсти, такъ и романы, — кромѣ дивнаго, въ высшей степени обработаннаго слога, показывающаго талантливаго и высокообразованнаго человѣка, — привлекаютъ чрезвычайной правдивостью и художественной простотой своихъ изображеній. Читаете ли вы его описанія русской природы, — которую никто до него не изображалъ такъ картинно и правдиво, — вы такъ и уноситесь подъ сѣнь этихъ, описываемыхъ имъ лѣсовъ, на бархатъ этихъ луговъ. Вмѣстѣ съ нимъ вы слѣдите за „голубымъ мерцаньемъ“ *) звѣздъ въ вышинѣ; вмѣстѣ съ нимъ слушаете „до дерзости звонкую пѣснь соловья“ **); вмѣстѣ съ нимъ чувствуете, какъ „изъ недавно проснувшихся долинъ вѣетъ душистой свѣжестью“ ***) и вездѣ его рѣчь звучитъ „чѣмъ-то роднымъ и необозримо широкимъ“! ****).

А вотъ передъ вами герои и героини его повѣстей; вотъ они стоятъ, какъ живые. Вамъ кажется, что вы давно знаете ихъ, и вы грустите или радуетесь вмѣстѣ съ ними и разстаетесь, будто съ родными. Читая про нихъ, вы такъ и чув-

*) Три встрѣчи.

**) Дворянское гнѣздо.

***) Рудинъ.

****) Пѣвцы.

чувствуете ту любовь, съ которой ихъ описывалъ авторъ, вы чувствуете, что онъ любилъ и этого бѣднаго мужиченка, въ сѣромъ зипунишкѣ, всю жизнь поливающаго трудовымъ потомъ мать сыру землю, кормилицу, также какъ и всѣхъ своихъ героевъ, съ ихъ скорбями и заботами; чувствуете, что онъ любитъ и эту кучю собаченку, и этого куличка-свистунка, что попрыгиваетъ по песчаному бережку и эта любовь переливается и въ наше сердце, и оно какъ-то мягче, теплѣй становится!

Замѣчательный талантъ И. С. Тургенева состоитъ еще въ удивительной наблюдательности и умѣннѣ нѣсколькими штрихами обрисовать личность вполне ясно и правдиво, и никто изъ русскихъ писателей такъ подробно и многосторонне не изучилъ типа русской женщины, во всѣхъ ступеняхъ его развитія, какъ И. С. Тургеневъ, такъ же какъ никто съ такой любовью не отнесся къ нашему простолюдину и съ такой сердечной болью не выставимъ горькую долю его прошлой крѣпостной жизни, которую онъ такъ гениально описалъ въ собраніи его рассказовъ подъ общимъ названіемъ „Записокъ охотника“, — этомъ, поистинѣ, драгоценномъ перлѣ русской литературы! Послѣ великаго Пушкина, перваго, замолвившаго въ литературѣ слово о русскомъ простолюдинѣ, никто такъ смѣло, какъ И. С. Тургеневъ, не явился описателемъ нужды и скорбей народа, освобожденнаго потомъ отъ крѣпостной зависимости волей покойнаго государя.

Кромѣ „Записокъ охотника“, изъ сочиненій И. С. Тургенева особенно замѣчательны романы: „Рудинъ“ — „Дворянское гнѣздо“ — „Наканунѣ“ — „Отцы и дѣти, и другіе, въ которыхъ выведены современные, волновавшіе русское общество вопросы, и затѣмъ множество прелестныхъ повѣстей и рассказовъ, проникнутыхъ правдой, теплотой и поэзіей. Въ прошломъ году вышедшее новое изданіе всего, имъ до сихъ поръ написаннаго (кромѣ стиховъ), составляетъ десять томовъ.

Какъ „Записки охотника“, такъ и большинство изъ его романовъ и повѣстей, переведены на главнѣйшіе иностранные языки, въ томъ числѣ на норвержскій, гдѣ всѣ его сочиненія, особенно романъ „Рудинъ“, весьма любимы, какъ и вездѣ за-границей, гдѣ имя нашего знаменитаго писателя пользуется большою извѣстностью и уваженіемъ.

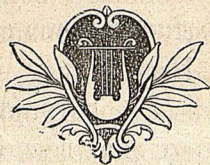
Приведенныя далѣе нѣкоторыя извлеченія изъ „Записокъ охотника“, а позже и изъ другихъ рассказовъ И. С. Тургенева, познакомятъ васъ съ красотой и жизненной правдой описаній нашего великаго, любимаго писателя, умѣвшаго прозу возвысить до поэзіи, и ту теплую любовь къ родной Руси и ея природѣ, которая водила его волшебнымъ перомъ, умѣлъ влить въ сердца читателей, посылающихъ ему за то свое сердечное спасибо!

С. Лаврентьева.

Отъ редакціи: съ собственнаго разрѣшенія И. С. Тургенева, я помѣщаю въ моемъ журналѣ нѣкоторыя извлеченія изъ его сочиненій съ сокращеніями, но безъ малѣйшихъ измѣненій, что поручено мною С. И. Лаврентьевой.

Т. Лассекъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ „ЗАПИСОКЪ ОХОТНИКА“ И. С. ТУРГЕНЕВА.

I.

На тягѣ. *)

ЕЧЕРОМЪ мы съ охотникомъ Ермолаемъ отправились на „тягу“... Но, можетъ быть, не всѣ мои читатели знаютъ, что такое тяга? Слушайте же, господа.

За четверть часа до захожденія солнца, весной, вы входите въ рощу, съ ружьемъ, безъ собаки. Вы отыскиваете себѣ гдѣ нибудь мѣсто подлѣ опушки, оглядываетесь, осматриваете пистонъ, перемигиваетесь съ товарищемъ. Четверть часа

*) Изъ разсказа „Ермолай и Мельничиха“.

прошло. Солнце сѣло, но въ лѣсу еще свѣтло; воздухъ чистъ и прозраченъ; птицы болтливо лепечутъ; молодая трава блеститъ веселымъ блескомъ изумруда... вы ждете. Внутренность лѣса постепенно темнѣетъ; алый свѣтъ вечерней зари медленно скользитъ по корнямъ и стволамъ деревьевъ, поднимается все выше и выше, переходитъ отъ нижнихъ, почти еще голыхъ вѣтокъ, къ неподвижныхъ засыпающимъ верхушкамъ... Вотъ и самыя верхушки потускнѣли; румяное небо синѣетъ. Лѣсной запахъ усиливается, слегка повѣяло теплой сыростью; влетѣвшій вѣтеръ около васъ замираетъ. Птицы засыпаютъ—не всѣ вдругъ—по породамъ: вотъ затихли зяблики, черезъ нѣсколько мгновений малиновки, за ними овсянки. Въ лѣсу все темнѣй да темнѣй. Деревья сливаются въ большія, чернѣющія массы. На синемъ небѣ робко выступаютъ первыя звѣздочки. Всѣ птицы спятъ. Горихвостки, маленькіе дятлы—одни еще сонливо посвистываютъ... Вотъ и они умолкли. Еще разъ прозвенѣлъ надъ вами звонкій голосъ пѣночки; гдѣ то печально прокричала иволга; соловей щелкнулъ въ первый разъ. Сердце ваше томится ожиданьемъ, и вдругъ—но одни охотники поймутъ меня—вдругъ въ глубокой тишинѣ раздается особаго рода карканье и шипѣнье; слышится мѣрный взмахъ проворныхъ крылъ,—и вальдшнепъ, красиво наклонивъ свой длинный носъ, плавно вылетаетъ изъ-за темной березы, на встрѣчу вашему выстрѣлу.

Вотъ что значитъ „стоять на тягѣ“.

И такъ, мы съ Ермолаемъ отправились на тягу; но, извините, господа, я долженъ васъ сперва познакомить съ Ермолаемъ.

Вообразите себѣ человѣка, лѣтъ сорока-пяти, высокаго, худого, съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, узкимъ лбомъ, сѣрыми глазками, взъерошенными волосами и широкими насмѣшливыми губами. Этотъ человѣкъ ходилъ и зиму и лѣто въ желтоватомъ нанковомъ кафтанѣ нѣмецкаго покроя, но подпоясывался кушакомъ, носилъ синія шаровары и шапку со смушками. Ружье у него было одноствольное, съ крем-

немъ, одаренное притомъ скверной привычкой жестоко „отдавать“, отчего у Ермолая правая щека всегда была пухлѣе лѣвой. Была у него и лягавая собака, по прозванію Валетка, преудивительное созданье. Ермолай никогда ее не кормилъ.

— Стану я пса кормить, разсуждалъ онъ: — притомъ песь—животное умное, самъ найдетъ себѣ пропитанье. И дѣйствительно: хотя Валетка поражалъ даже равнодушнаго прохожаго своей чрезмѣрной худобой, но жилъ, и долго жилъ; даже, несмотря на свое бѣдственное положеніе, ни разу не пропадалъ и не изъявлялъ желаніе покинуть своего хозяина. Замѣчательнѣйшимъ свойствомъ Валетки было его непостижимое равнодушіе ко всему на свѣтѣ. Онъ обыкновенно сидѣлъ, подогнувши подъ себя свой куцый хвостъ, хмурился, вздрагивалъ по временамъ и никогда не улыбался. (Извѣстно, что собаки имѣютъ способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться). Онъ былъ крайне безобразенъ, и ни одинъ празный дворовый человѣкъ не упускалъ случая ядовито насмѣяться надъ его наружностью; но всѣ эти насмѣшки и даже удары Валетка переносилъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Особенное удовольствіе доставлялъ онъ поворамъ, которые тотчасъ отрывались отъ дѣла и съ крикомъ и бранью пускались за нимъ въ погоню, когда онъ просовывалъ свое голодное рыло въ полурастворенную дверь соблазнительно теплой и благоуханной кухни. На охотѣ онъ отличался неутомимостью, и чутье имѣлъ порядочное; но, если случайно догонялъ подраненаго зайца, то ужъ и съѣдалъ его съ наслажденьемъ всего, до послѣдней косточки, гдѣ нибудь въ прохладной тѣни, подъ зеленымъ кустомъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ Ермолая, ругавшагося на всѣхъ извѣстныхъ и не извѣстныхъ діалектахъ.

Вотъ этого-то Ермолая я и взялъ къ себѣ въ охотники, и съ нимъ-то я отправился на тягу, въ большую березовую рощу на берегу Исты. Эта небольшая рѣчка вьется чрезвычайно прихотливо, ползетъ змѣей, ни на-полъ версты не те-

четь прямо, и въ иномъ мѣстѣ съ высоты крутаго холма видна верстѣ на десять со своими плотинами, прудами, мельницами, огородами, окруженными раkitникомъ, и густыми садами. Рыбы въ Истѣ бездна, особенно головлей (мужики достаютъ ихъ въ жарѣ изъ подъ кустовъ руками). Маленькіе кулички-песочники со свистомъ перелетываютъ вдоль каменныхъ береговъ, испещренныхъ холодными и свѣтлыми ключами; дикія утки выплываютъ на середину прудовъ и осторожно озираются; цапли торчатъ въ тѣни, въ заливахъ, подъ обрывами... Мы стояли на тягѣ около часу, убили двѣ пары вальдшнеповъ и, желая до восхода солнца опять попытать нашего счастія (на тягу можно также ходить по утру), рѣшились переночевать въ ближайшей мельницѣ. Мы вышли изъ роши, спустились съ холма. Рѣка катила темносинія волны; воздухъ густѣлъ, отягченный ночной влагой.

Во ста шагахъ отъ мельницы находился маленькій, со всѣхъ сторонъ открытый навѣсъ. Намъ принесли туда соломѣ, сѣна; работникъ на травѣ подлѣ рѣки наставилъ самоваръ. Мельничиха принесла намъ молока, яицъ, картофелю, хлѣба. Скоро закипѣлъ самоваръ, и мы принялись пить чай. Съ рѣки поднимались пары; вѣтру не было. Кругомъ кричали коростели; около мельничныхъ колесъ раздавались слабые звуки: то капли падали съ лопатъ, сочилаь вода сквозь засовы плотины.

Стадо дикихъ утокъ со свистомъ промчалось надъ нами, и мы слышали, какъ оно спустилось на рѣку, недалеко отъ насъ. Уже совсѣмъ стемнѣло и начинало холодать; въ рошѣ звучно щелкалъ соловей. Мы зарылись въ сѣно и заснули.

II.

Надъ рѣкой *).

Въ началѣ августа жары часто стоятъ нестерпимые. Въ это время, отъ двѣнадцати до трехъ часовъ, самый рѣши-

*) Изъ разсказа „Малиновая вода“.

тельный и сосредоточенный человекъ не въ состояніи охотиться, и самая преданная собака начинаетъ „чистить охотнику шпоры“, т. е. идетъ за нимъ шагомъ, болѣзненно прищуривъ глаза и преувеличенно высунувъ языкъ, а въ отвѣтъ на укоризны своего господина униженно виляетъ хвостомъ и выражаетъ смущеніе на лицѣ, но впередъ не подвигается. Именно въ такой день случилось мнѣ быть на охотѣ. Кое какъ дотащился я до рѣчки Исты, уже знакомой моимъ снисходительнымъ читателямъ, спустился съ кручи и пошелъ по желтому сырому песку въ направленіи ключа, извѣстнаго во всемъ околоткѣ подъ названіемъ „Малиновой воды“. Ключъ этотъ бьетъ изъ расщелины берега, превратившейся мало-по-малу въ небольшой, но глубокой оврагъ, и въ двадцати шагахъ оттуда, съ веселымъ и болтливымъ шумомъ, впадаетъ въ рѣку. Дубовые кусты разрослись по скатамъ оврага; около родника зеленѣетъ короткая бархатная травка; солнечные лучи почти никогда не касаются его холодной серебристой влаги. Я добрался до ключа; на травѣ лежала черпалка изъ бересты, оставленная прохожимъ мужикомъ на пользу общую. Я напился, прилежъ въ тѣнь и взглянулъ кругомъ. У залива, образованнаго впаденіемъ ключа въ рѣку, и оттого вѣчно покрытаго мелкой рябью, сидѣли ко мнѣ спиной два старика. Одинъ, довольно плотный и высокаго роста, въ темно-зеленомъ опрятномъ кафтанѣ и пуховомъ картузѣ, удилъ рыбу; другой—худенькій и маленькій, въ мухояровомъ заплатаномъ сюртукѣ и безъ шапки, держалъ на колѣняхъ горшокъ съ червями и изрѣдка проводилъ рукой по сѣдой своей головкѣ, какъ бы желая предохранить ее отъ солнца. Я взглянулъ въ него по пристальнѣй и узналъ шумихинскаго Степушку.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моей деревни находится большое село Шумихино, съ каменной церковью, воздвигнутой во имя преподобныхъ Козьмы и Деміана. Напротивъ этой церкви нѣкогда красовались обширные господскіе хоромы. Въ этихъ хорамахъ жили богатые помѣщики, и все у

нихъ шло своимъ порядкомъ,—какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, вся эта благодать сгорѣла до тла. Господа перебравшись въ другое гнѣздо; усадьба запустѣла. Обширное пепелище обратилось въ огородъ. Изъ уцѣлѣвшихъ бревенъ на скорую руку сколотили избенку и поселили въ ней садовника Митрофана, съ женой Аксиньей и семьей дѣтьми. У него же увидалъ я впервые Степушку.

Всякій человѣкъ имѣетъ хоть какое бы то ни было положеніе въ обществѣ; всякому дворовому выдается, если не жалованье, то, по крайней мѣрѣ, такъ называемое „отвѣсное“: Степушка не получалъ рѣшительно никакихъ пособій. Проживалъ онъ лѣтомъ въ клѣти, позади курятника, а зимой въ предбанникѣ; въ сильные морозы ночевалъ на сѣновалѣ. Его привыкли видѣть, иногда даже давали ему пинка, но никто съ нимъ не заговаривалъ и онъ самъ, кажется, отъ роду рта не разинулъ. Послѣ пожара, этотъ заброшенный человѣкъ пріютился, или, какъ говорятъ орловцы, „притулился“ у садовника Митрофана. Садовникъ не тронулъ его, не сказалъ ему живи у меня, да и не прогналъ его. Степушка и не жилъ у садовника: онъ обиталъ-виталя на огородѣ. Ходилъ онъ и двигался безъ всякаго шума; чихалъ и кашлялъ въ руку, не безъ страха; вѣчно хлопоталъ и возился втихомолку, словно муравей: и все для одной ѣды. И точно, не заботясь онъ съ утра до вечера о своемъ пропитаніи,—умеръ бы мой Степушка съ голоду. Плохое дѣло не знать по утру, чѣмъ къ вечеру сытъ будешь! То подъ заборомъ Степушка сидитъ и рѣдкую гложетъ, или морковь сосетъ, или грязный кочанъ капусты подъ себя крошитъ; то ведро съ водой куда-то тащить и кряхтитъ; то подъ горшечкомъ огонекъ раскладываетъ и какіе-то черные кусочки изъ за пазухи въ горшекъ бросаетъ; то у себя въ чуланчикѣ деревяшкой постукиваетъ, гвоздикъ приколачиваетъ, полочку для хлѣбца устраиваетъ. И все это онъ дѣлаетъ молча, словно изъ за угла: глядь, ужъ и спрятался. А то вдругъ отлучится дня на два; его отсутствія, разумѣется, никто не за-

мѣчаетъ... Смотришь, ужь онъ опять тутъ, опять гдѣ нибудь около забора подь таганчикъ щепочки украдкой подкладываетъ. Лицо у него маленькое, глазки желтенькіе, волосы вплоть до бровей, носикъ остренькій, уши пребольшія, прозрачныя, какъ у летучей мыши, борода словно двѣ недѣли тому назадъ выбрита, и никогда ни меньше не бываетъ, ни больше. Вотъ этого-то Степушку я встрѣтилъ на берегу Исты въ обществѣ другого старика.

Я подошелъ къ нимъ, поздоровался и присѣлъ съ ними рядомъ. Въ товарищѣ Степушки я узналъ тоже знакомаго. Это былъ вольноотпущенный челоѣкъ графа Петра Ильича **, Михайло Савельевъ, по прозвищу Туманъ. Это былъ челоѣкъ лѣтъ семидесяти, съ лицомъ правильнымъ и пріятнымъ.

— Ну, что, Михайло Савельичъ, началъ я, наловилъ рыбы?

— А вотъ извольте въ плетушку заглянуть: двухъ окуньковъ залучилъ, да головликовъ штукъ пять... Покажь, Степка.

Степушка протянулъ ко мнѣ плетушку.

— Какъ ты поживаешь, Степанъ, спросилъ я его.

— И... и... и... ни... ничего-о, батюшка, помаленьку, отвѣчалъ Степанъ, запинаясь, словно пуды языкомъ ворочалъ.

— А Митрофанъ здоровъ?

— Здоровъ, ка... какъ же, батюшка.

Бѣднякъ отвернулся.

— Да плохо что-то клюетъ, заговорилъ Туманъ—жарко больно; рыба-то вся подь кусты забила, спить... Надѣнь-ко червяка, Степа (Степушка досталъ червяка, положилъ на ладонь, хлопнулъ по немъ раза два, надѣлъ на крючекъ, поплевалъ и подалъ Туману). Спасибо, Степа... А вы, батюшка, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, охотиться изволите?

— Какъ видишь.

— Такъ-съ... А что это у васъ песикъ аглицкій али фурлянской какой?

Старикъ любилъ при случаѣ показать себя,—дескать и мы живали въ свѣтѣ!

— Не знаю какой онъ породы, а хорошъ.

— Такъ-съ... А съ собаками изволите ѣздить?

— Своры двѣ у меня есть.

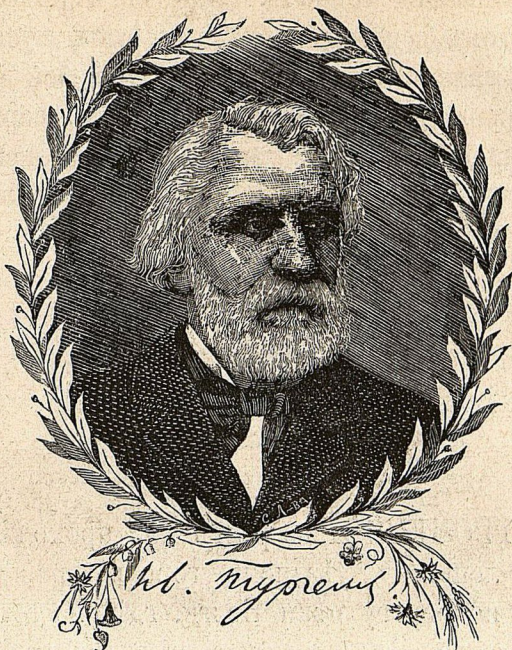
Туманъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Оно точно, иной до собакъ охотникъ, а иному ихъ даромъ не нужно. Я такъ думаю, по простому моему разуму, собакъ больше для важности, такъ сказать, держать слѣдуетъ... И чтобы все ужъ и было въ порядкѣ,—и лошади, чтобы были въ порядкѣ, и псари, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ, и все. Покойный графъ, царство ему небесное! охотникомъ отродясь, признаться, не бывалъ, а собакъ держалъ, и раза два въ годъ выѣзжать изволилъ. Соберутся псари на дворъ въ красныхъ кафтанахъ съ галунами и въ трубу протрубятъ; ихъ сіятельство выдти изволятъ, и коня ихъ сіятельству подведутъ; ихъ сіятельство сядутъ, а главный ловчій имъ ножки въ стремяна вдѣнетъ, шапку съ головы сниметъ и поводья въ шапкѣ подастъ. Ихъ сіятельство арапельникомъ этакъ изволятъ щелкнуть, а псари загого-чутъ да и двинутся со двора долой. Стремянной-то за графомъ поѣдетъ, а самъ на шелковой своркѣ двухъ любимыхъ барскихъ собачекъ держать и этакъ наблюдаетъ, знаете... И сидитъ-то онъ, стремянной-то, высоко на казацкомъ сѣдлѣ, краснощокій такой, глазами такъ и водить... Ну, и гости, разумѣется, при этомъ бываютъ. И забава, и почетъ соблюденъ... Ахъ, сорвался, азіятецъ! прибавилъ онъ вдругъ, дернувъ удочкой.

Мы сидѣли въ тѣни; но и въ тѣни было душно. Тяжелый, знойный воздухъ словно замеръ; горячее лицо съ тоской искало вѣтра, да вѣтра-то не было. Солнце такъ и било съ синяго, потемнѣвшаго неба. Прямо передъ нами, на другомъ берегу, желтѣло овсяное поле, кое-гдѣ поросшее полынью, и хоть бы одинъ колосъ пошевелился. Немного пониже, крестьянская лошадь стояла въ рѣкѣ по колѣна и

лѣниво обмахивалась мокрымъ хвостомъ; изрѣдка подъ нависшимъ кустомъ всплывала большая рыба, пускала пузыри и тихо погружалась на дно, оставивъ за собой легкую зыбь. Кузнечики трещали въ порыжѣлой травѣ; перепела кричали, какъ бы не хотя; ястреба плавно носились надъ полями и часто останавливались на мѣстѣ, быстро махая крыльями и распустивъ хвостъ вѣеромъ.

ВЕЛИКОМУ ПОЭТУ-ХУДОЖНИКУ

(Акростихъ *).

~~~~~

Таинственный шопоть родимыхъ лѣсовъ,
Уютную прелесть зеленыхъ луговъ,
Румянецъ востока, полуденный зной,
Гимнъ радостный утра и ночи покой—
Едва прикасаясь чудеснымъ перомъ
Намъ Русь онъ рисуетъ широкимъ штрихомъ;
Едва лишь набросить—и образъ нѣмой
Въ штрихѣ гениальномъ стоитъ, какъ живой.

С. Лаврентьева.

---

*) Акростихъ (краеистише, отъ греческихъ словъ: акросъ—крайній и стихосъ—строка, стихъ), стихотворная игрушка, въ которой начальныя буквы стиховъ, прочитанныя по порядку сверху внизъ, образуютъ собственное имя или вообще цѣльное слово.

ОГОРОДЪ.

ОТРОЧЕСКІЙ возрастъ мой проходилъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, расположенномъ по берегу рѣки Волги, гдѣ она течетъ не широко. Въ то время городокъ нашъ состоялъ изъ Набережной, Большой улицы и Безымянной. Всѣ три улицы пересѣкались четырьмя переулками. Посреди города была широкая площадь, поросшая травой, съ проложенными тропинками; на ней стоялъ довольно красивый соборъ; противъ собора находилось нѣсколько низенькихъ, деревянныхъ лавокъ, гдѣ продавались ситцы, кисея, бусы, ленты, пряники, чай, сахаръ, калачи, баранки. Дома въ городкѣ были небольшіе, деревянные, одноэтажные, при нихъ бани, разные сарайчики, омшанники, колодцы и большіе огороды, и сады. На безымянной улицѣ большей частію виднѣлись деревенскія избушки, выходившія задворками въ чистое поле, по которому протекала рѣка; въ ней купались ребятишки, да бабы полоскали бельѣ. Рѣчка эта огибала нашъ городокъ съ правой стороны и впадала въ волгу; съ лѣвой стороны шелъ сосновый боръ, въ который чуть-чуть пробиралось солнце. По бору пролегали едва проѣзжія до-

роги, окаймленные массою цвѣтовъ. Мнѣ часто приходилось проѣзжать этимъ боромъ съ тетушкой моей, бодрой, умной старушкой, у которой былъ собственный домъ въ городкѣ. Ъздили мы всегда въ небольшой, крытой полуколясочкѣ, и, несмотря на то, что дорога была не узкая, вѣтки деревьевъ были до того развѣсисты, что залѣзали къ намъ подъ кузовъ колясочки; я хватала ихъ руками и отрывала листочки. Цвѣты по краямъ дороги такъ и бросались въ глаза—до того были свѣжи и живы полужелтые, полусиніе цвѣты Ивана да Марьи, перепутанные съ розовой дремой, лиловыми высокими колокольчиками, ландышами и разными расписными цвѣтами и травами. Среди этой массы цвѣтовъ и зелени, точно свѣчки чистаго бѣлаго воска, стройно высились ночныя фіоліи и лили свой восхитительный ароматъ передъ лазурными небесами; а по канавкамъ и лужамъ, которыя, сколько помнится, и не просыхали никогда въ этомъ лѣсу, росли необыкновенной красоты незабудки. Разныхъ пѣвчихъ птицъ и дичи боръ былъ полонъ. Всего же больше родилось тамъ грибовъ: обора не было бѣлымъ, рыжикамъ и груздямъ; ихъ находили чуть не въ самомъ городѣ, да они и родились въ немъ по огородамъ и садамъ; у насъ въ длинной березовой аллеи я собирала множество березовиковъ. Жители нашего городка заготовляли себѣ годовые запасы изъ грибовъ. Но ни въ одномъ домѣ не дѣлали такихъ громадныхъ грибныхъ запасовъ, какъ у насъ. Хозяйствомъ у насъ занималась важнаго вида старушка-экономка, великій знатокъ по хозяйственной части. Самые крошечные, крѣпкіе ярко-рыжіе рыжички она отваривала въ уксусѣ съ духами, и такъ дорожили этими рыжачками, что потчивала ими только самыхъ отборныхъ гостей. Посѣтителемъ попроще она подавала отварные, много крупнѣе; для разнаго же расхода, стояли кадушки съ рыжиками, перемѣшанными съ волнушками, чуть не въ ладонь величиною, посолеными съ чабромъ и укропомъ. Эти грибы подавались къ закускѣ и гостямъ, по мнѣнію старушки, ничего не стоящимъ. Случалось, что, видя

какъ она подаетъ инымъ поѣдителямъ послѣдняго сорта рыжики, я скажу ей: „что это вы угощаете такими ошметками! вы бы попотчивали маленькими“. Тутъ она выходила изъ себя. — „Съ чего ты это взяла, крикнетъ она бывало на меня, что я для всякаго, прости Господи, выговорить не хочется, чорта — при этомъ она всегда бывало плюнетъ, наварила отборныхъ, — чего ты не выдумаешь! будетъ съ нихъ и этихъ“!

Кромѣ грибныхъ запасовъ, у насъ дѣлалось годовыхъ заготовленій такое множество, что, вѣроятно, стало бы лѣтъ на пять, если бы часть не портилась и не выбрасывалась вонъ, часть не кралась поварами и горничными и не съѣдалась мышами, несмотря на постоянное присутствіе огромнаго кота Васьки, и старательный присмотръ старушки.

Съ осени, погреба и подвалы были загромождены банками съ вареньями, мочеными яблоками, ягодами, шипучками и соленьями; заставлены кадучками квашеной капусты, въ разныхъ видахъ; засыпаны картофелемъ, рѣдкой, рѣпой, морковью и разными кореньями. Все это, за исключеніемъ фруктовъ и морошки, собиралось изъ своего сада и огорода.

Домъ нашъ былъ самый большой и красивый во всемъ городѣ. Онъ стоялъ на большой улицѣ, при началѣ перваго переулка, со стороны лѣса, и съ надворными постройками и садомъ занималъ въ длину чуть не половину улицы, а въ глубину наши владѣнія простирались до Безымянной. Со стороны переулка отъ улицы садъ нашъ отдѣлялъ высокой бревенчатой заборъ, около котораго шла тѣнистая аллея, а съ внутренней стороны отъ огорода сосѣда — ивовый плетень. За огородомъ сосѣда, черезъ плетень, виднѣлся огородъ тетюшки, а изъ-за него терялся вдаль рядъ огородовъ, раздѣленныхъ плѣтнями. Всѣ эти огороды не представляли ничего особеннаго, огородъ же тетюшки останавливалъ взоры изящнымъ, облагороженнымъ устройствомъ, и необыкновенно пріятнымъ разнообразіемъ. Въ немъ соединялось полезное съ прекраснымъ, и видно было знаніе не только огородничества, но и садоводства и цвѣтоводства. Огородъ раз-

дѣлялся на двѣ равныя половины широкою дорожкой, точно вытянутой по ниткѣ, до того она была пряма. Съ обѣихъ сторонъ дорожку окаймляли кусты смородины, воздушные жасмины, розовый и желтый шиповникъ. За ними были стройно расположены роскошныя гряды съ овощами. Вся огородная земля была разбита на участки; въ каждомъ участкѣ было извѣстное число длинныхъ, ровныхъ грядъ, между которыми прорыты были глубокія борозды; участки раздѣляли тропинки, окаймленные макомъ, калуферомъ, зарей, мятой, цитронъ мелисомъ, хрустальной травой; тропинки соединяли участки съ дорожкой. При входѣ въ городъ находилось нѣсколько парниковъ, прикрытыхъ стеклянными рамами, одни съ рассадой, другіе съ ранними овощами, нѣкоторые съ дынями и арбузами. Вокругъ всего огорода виднѣлись невысокія фруктовыя деревья, ягодные кустарники и группы зимующихъ цвѣтовъ; огородъ оканчивался тѣнистыми аллеями липъ и осьмиугольнымъ зеленымъ лужкомъ, вокругъ котораго, точно каемка, алѣли кусты розановъ. Передъ цвѣтникомъ и въ липахъ стояли для отдыха зеленыя скамейки. Я любила отъ плетня нашего огорода смотрѣть на пеструю панораму огородовъ, сливавшихся въ одну длинную линію. Еще больше любила бывать у тетушки въ огородѣ, вмѣстѣ съ нею осматривать парники, подвязывать цвѣты, поливать изъ небольшой лейки гряды, самой черпать воду изъ огромнаго, выкрашеннаго въ зеленую краску чана, стоявшаго вблизи колодца, изъ котораго въ него накачивали воду. Часто я помогала работникамъ копать гряды небольшимъ желѣзнымъ заступомъ, прочищала борозды деревянной лопаткой, дорожки граблями и возила сорныя травы на двухколесной ручной тачкѣ. Заступовъ разнаго вида, лопатъ, грабель, тачекъ, леекъ находилось при огородѣ множество, какъ и вообще при огородахъ. Еще чаще сидѣла я въ липахъ съ книгой, противъ любимаго тетушника цвѣтника, и не разъ вечерняя заря тамъ заставляла меня. Иногда, вмѣсто чтенія, я съ тетушкой разговаривала. Любимымъ предметомъ ея раз-

2*

говора было садоводство и огородничество. Тетушка провела лучшіе годы своей жизни въ богатомъ имѣніи своего отца, гдѣ великолѣпный паркъ былъ раскинутъ на трехъ стахъ десятинахъ; въ немъ были аллеи, рощи, пруды, оранжереи, теплицы, грунтовые сараи, огороды—все подъ руководствомъ образованнаго садовника, француза, и множества работниковъ, бывшихъ въ его распоряженіе. Тетушка, любительница природы и особенно растеній, не только наслаждалась этимъ, но наблюдала и изучала все.

— Огородничество, говорила мнѣ она, есть одна изъ важныхъ отраслей хозяйства; оно состоитъ въ воспитаніи, уходѣ и способѣ размноженія травянистыхъ растеній, которые, въ видѣ овощей и салатовъ, составляютъ часть пищи, одни въ сыромъ видѣ, другіе какъ приправа многихъ блюдъ; нѣкоторые употребляются для десерта. Огородныя растенія дѣлятся на: 1) собственно овощи, 2) салатныя, 3) пряныя для приправы и 4) десертныя; огородничество бываетъ одно въ садахъ-огородахъ, другое — въ огородныхъ поляхъ.

Полевое огородничество производится на не огороженномъ полѣ. Мѣстность выбирается открытая, какъ и вообще для огородовъ, ровная, наклонная къ востоку, югу или западу, влажная, но не мокрая. Почва земли должна быть рыхла, легка, разсыпчата. Свойства почвъ бываютъ различныя; лучшею считается черноземная и суглинисто-песчаная. Полевые огороды обрабатываются большей частію для продажи. Огородъ можетъ доставить хозяину значительный доходъ, но это возможно только при неусыпномъ стараніи и неутомимой дѣятельности. Полевое огородничество ограничивается преимущественно такими продуктами, которые требуютъ меньше ухода, необходимы для большинства, могутъ дать хорошую выручку, не требуя слишкомъ большихъ заботъ и особенно поливки, самаго дорогаго условія въ огородничествѣ.

Выбравши для огорода подходящее мѣсто,—если пред-

полагается сдѣлать огородъ въ полѣ, то его обрабатываютъ плугомъ или сохой, смотря по мѣстности, и бороною.

Если же огородъ особнякъ при садѣ, то его обрабатываютъ желѣзными заступами, деревянными лопатами, граблями, мотыками. Эти садовыя орудія необходимы и при полевомъ хозяйствѣ.

Огороды особняки устроиваютъ большей частію въ саду, съ фруктовыми деревьями, цвѣтами, съ красиво окаймленными дорожками и огараживаютъ заборомъ или плетнемъ. Въ такихъ огородахъ пріятно гулять, отдохнуть отъ трудовъ и любоваться видомъ грядъ съ огородными растеніями, перемѣшанными съ ягодными кустарниками и разнообразными группами цвѣтовъ.

Полевые огороды требуютъ много рукъ и труда, и урожай зависитъ не только отъ прилежнаго ухода, но и отъ благопріятнаго или неблагопріятнаго вліянія погоды. Въ огородахъ же особнякахъ, при немногихъ работникахъ старательной подготовкѣ и поливкѣ, можно поддерживать растенія въ превосходномъ состояніи, даже во время засухи. Въ огородахъ особнякахъ разводится зелень, большей частію самая употребительная въ обыкновенномъ быту, какъ-то: селдереи, петрушка, салатъ, лукъ, гряды четыре картофеля, огурцы; крупныя же сорта овощей, какъ-то: различныя капуста, свекла, рѣпа, морковь разводятся въ полѣ, а въ особнякахъ — если хотятъ дѣлать изъ овощей запасы.

Для огородовъ лучшимъ климатомъ считается умѣренный, мѣстность открытая, ровная, вблизи рѣки или ручья. Лучшая почва черноземная и суглинисто-песчаная, рыхлая, легкая для обработки, рассычатая, чтобы легко проникалась теплотой и не скоро испаряла влажностъ. Вода занимаетъ одно изъ важныхъ мѣстъ въ огородничествѣ: безъ достаточной влажности, многіе овощи не могутъ достигнуть полнаго развитія. Удобреніе почвы также очень значительно; лучшимъ удобреніемъ считается хлѣбный навозъ. Сверхъ этихъ условій, въ огородничествѣ требуется достаточное количество рабо-

чихъ рукъ для вскапыванія, посадки, поливки, полотья и проч. Къ значительнымъ отраслямъ огородничества относятся парники, гдѣ многія растенія воспитываются въ раннемъ возрастѣ, и хорошо устроенные погреба и подвалы для храненія овощей. Земля подъ огороды готовится съ весны. Посѣвы начинаются весною. Одни сѣмена сѣются прямо въ землю, другіе прежде въ парники и въ видѣ расады высаживаются въ гряды. Нѣкоторыя растенія сѣютъ или сажаютъ по проведеннымъ въ грядахъ бороздкамъ, другія гнѣздами и прикрываютъ землей. Когда растенія взойдутъ слишкомъ густо, ихъ проредиваютъ.

Посѣвы надобно защищать отъ земляныхъ блохъ, улитокъ, птицъ, особенно отъ голубей и синицъ. Улитокъ надобно обирать рано утромъ и поздно вечеромъ. Отъ птицъ гряды прикрываютъ хворостомъ или протягиваютъ по нимъ синія нитки. На капусту нападаютъ зайцы; мыши портятъ корнеплодные растенія; кроты, охотясь за насѣкомыми и ихъ личинками, подрываютъ корни, которые объѣдаетъ личинка майскаго жука. Медвѣдка—величайшій врагъ огородниковъ; клещикъ объѣдаетъ цвѣтъ; красный паучекъ портитъ въ парникахъ огурцы и дыни; мокрицы портятъ зелень въ парникахъ. Муравьи взрываютъ землю; дождевой червь засоряетъ почву.

Огородныя растенія дѣлятъ на классы различно. Нѣкоторые дѣлятъ ихъ на:

- 1) Однолѣтнія.
- 2) Двухлѣтнія.
- 3) Многолѣтнія.

Однолѣтнія.

Огородныя: турецкіе бобы, горохъ, простые бобы, шпинатъ, тыква, баклажаны.

Салатныя: салатъ, огурцы, крессъ, портулакъ.

Ароматныя: укропъ, базиликъ, стручковый перецъ, испанскій крессъ.

Десертныя: дыня, арбузъ.

Двухлѣтнія.

Огородныя: цвѣтная капуста, кочанная, брюссельская, коллерабія, бронкиль, брюква, морковь, рѣпа, постернакъ, овсяный корень.

Салатныя: сельдерей, свекла, рѣдка, цикорій.

Ароматныя: лукъ, петрушка, тминъ, маіорокъ.

Многолѣтнія.

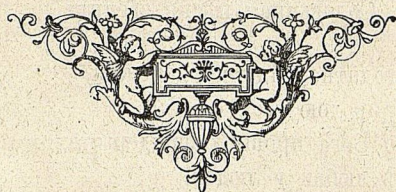
Огородныя: кустовая капуста, морская, щавель, шпинатъ американскій, ревень, артишоки, спаржа, земляная груша, картофель, бататъ, сладкій корень.

Салатныя: хрѣнъ, хмѣль.

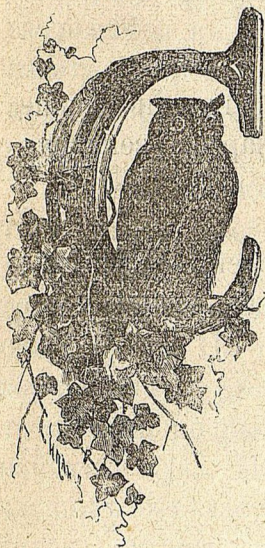
Пряныя: лукъ шарлотъ, сѣянецъ, порей, эстрагонъ, полынь, рута, шалфей, мелисъ, мята, лаванда, дягиль.

Десертныя: земляника.

* * *

ВЪ САДУ.

ОЛНЦЕ играетъ золотыми лучами
По деревьямъ, кустамъ и травѣ,
А въ воздухѣ пахнетъ молодыми цвѣтами
И жизнь трудовая кишитъ тамъ вездѣ.

Вотъ, пчелка лохматая залѣзла въ цвѣточекъ,
А вотъ, червячекъ—землемѣрь;
Тамъ дальше мурашка тащитъ сучочекъ;
Сторонкой жучекъ пролетѣлъ.

Кукушка уныло кукуетъ на вѣткѣ;
Дятель пестрый деревья долбитъ,
Въ кустахъ-же высокой, цвѣтущей сирени
Соловьиная пѣсня звенитъ.

Тепло, благодатно. Иду по дорожкѣ,
Любуюсь природою всей,
И мысленно Бога прошу о поддержкѣ
Къ природѣ любви у людей.

Н. К.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 июня 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.